

ненок [5: 92].

– белка: Лянкееган, Ланги-еган, рр.
– белчья река: ланги – белка [7: 47].

– выдра: Вондырьягун, р. – река выдры:
вонтыр – выдра [2: 60].

– волк: Евра, р. – река, у которой во-
дятся волки: евыр – волк [9: 192].

Анализ фактического материала пока-
зал, что в наименованиях водных объектов
Среднего Приобья широко отражена лексика,
характеризующая основные промыслы авто-
хтонного населения. В основе наименований
лежат гиперо-гипонимические отношения,
которые способствуют системной организа-
ции топонимической лексики в хантыйском
и мансийском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Глинских Г.В. К интерпретации семантических соответствий в разноязычной по происхождению топонимике одной территории // Вопросы топонимики. – № 6. – Свердловск, 1972.
2. Глинских Г.В., Матвеев А.К. Материалы по мансийской топонимике // Вопросы ономастики. – № 10. – Свердловск, 1975.
3. Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. – Екатеринбург, 2005.
4. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. Перизд. – Тюмень, 2005.

5. Исламова Ю.В. Отапеллятивная гидронимия ниже-среднего Приобья // Актуальные проблемы лингвистики. – Сургут, 2007.

6. Кошкарёва А.М. Материалы для областного словаря (Специальная лексика северных районов Тюменской области. Лексика рыболовства). – Нижневартовск, 1993.

7. Молданова С.П. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (казымский диалект). – Л., 1988.

8. Нелиманова Т.И. Топонимика Ляпинского края. – Ханты-Мансийск, 2001.

9. Терешкин Н.И., Сподина В.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (ваховский диалект). – Нижневартовск, 1997.

10. Фролов Н.К. Русские топонимические заимствования из самодийско-угорских языков. – Новосибирск, 1991.

S. Sorokina

THE UGRIC PEOPLE'S TRADE LEXIS IN THE HYDRONYMS OF THE MIDDLE OB AREA

Abstract: The article focuses on the hydrographic names in the area of the Middle Ob. It reports on the study of the lexis connected with the Khanty and Mansi lifestyle and trade as the basis for geographic nomination.

Key words: lexis, hydronyms, nomination, functioning.

УДК 81'42

Папян Л.Ю.

СЛОВЕСНЫЙ РЯД В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА *

Аннотация. На сопоставлении черновых и окончательного вариантов отрывка из романа А.Г. Малышкина «Люди из захолустья» в статье рассмотрен словесный ряд как единица языковой композиции и как инструмент анализа единого целого.

Ключевые слова: словесный ряд, единица языковой композиции, инструмент анализа.

Этимология слова *текст* восходит к понятию единства: вспомним, что латинское слово *textum* означает именно связь, соединение. В стилистике, разумеется, говорят о единстве языковых средств, порождающих содержание текста. Текст обладает рядом признаков, при перечислении которых учёные-филологи, как правило, и называют единство, или целостность.

Целостность как признак текста отражается в его сложной структуре. В.В. Одинцов в структуре текста (по его определению, в «основном предмете стилистики») видел тему, материал, композицию, язык, идею, сюжет, приём [1: 43]. А.И. Горшков заметил, что вне сферы структуры текста, увиденной В.В. Одинцовым, всё-таки остались важные категории и, кроме того, неопределённым оказалось понятие «материала», поэтому «круг категорий, рассматриваемых в связи с понятием структуры текста, целесообразно расширить» [2: 247]. С точки зрения А.И. Горшкова, эта структура имеет следующие компоненты: тему, материал действительности, языковой материал, словесный ряд, идею, архитектонику, композицию, «лики» образа автора, сюжет и образ автора [2: 247].

Изучение каждого из компонентов структуры текста вызывает трудности, по-

* © Папян Л.Ю.

сколькx они сами по себе являются сложными, к тому же и взаимосвязанными категориями, а без учёта их взаимосвязи структура текста не может быть понята и описана. Это, очевидно, имел в виду В.В. Одинцов, когда утверждал, что «соотнесённость всех понятий даёт структуру текста», что «стилистический анализ текста направлен на эту структуру, т.е. не на какой-нибудь её компонент – содержание или язык, но именно на соотнесённость их» [1: 43]. «Соотнесённость всех понятий» и есть взаимосвязь компонентов структуры текста.

Обратим внимание на то, что в круге категорий структуры текста, принятой А.И. Горшковым, есть категория, которая образуется языковыми средствами, обеспечивающими взаимосвязи компонентов текста, их единство. Речь идёт о категории словесного ряда, которая служит именно единству текста и, благодаря этому, включает в себя функции категории приёма [2: 160] (поэтому в структуре текста, увиденной А.И. Горшковым, нет специальной категории приёма, которую учёл В.В. Одинцов).

Словесный ряд представляет собой минимальное единство, обнаруживаемое в тексте, и является элементом языковой композиции, которая, по определению В.В. Виноградова, есть система «динамического развёртывания словесных рядов в сложном единстве целого» [3: 49]. Композиция посредством дифференцированных, динамически развивающихся и взаимодействующих словесных рядов сочетает, соединяет, соотносит с образом автора, «фокусом целого» [3: 118], все компоненты структуры текста.

Такая соединяющая роль словесных рядов в языковой композиции обнаруживается стилистическим анализом. Особый интерес для него представляют наблюдения за словесными рядами при сравнении черновых и окончательного вариантов произведения, когда как бы на наших глазах текст изменяется, наполняется новыми темами, мотивами, образами, движется от одного принципа изображения к другому, от одной точки изображения картины, сцены к другой, например, от «объективированного» повествования, когда точка видения связана со всеведением образа автора, к субъективированному, в котором точка видения смещается в сферу персонажа [2: 205, 223].

Знакомство с рукописями романа «Люди из захолустья» А.Г. Малышкина обнаруживает многократные правки, которые слоями ложатся на страницы и говорят о

направленных поисках чего-то важного для текста. Чего?

Чтобы приблизиться к ответу на поставленный вопрос, в сопоставлении черновых и окончательного вариантов для нас важно обнаружить направление отделки текста – правок и дополнений, направление, указывающее на поиск таких средств и способов выражения, за которыми стоит определённая цель, а значит, своеобразная оценка автором этих средств. Поэтому рассмотрим лишь те изменения текста, которые затрагивают этот аспект – стилистический, т.е. связанный с целенаправленным выбором средств выражения и их организацией. А исправления и замены, напрямую не относящиеся к проблематике стилистики, обсуждать не будем.

Рассмотрим некоторые правки в рукописях, проделанные А.Г. Малышкиным, и сравним черновые варианты отрывка с опубликованным как итогом и целью работы автора [4].

У кирпичного флигеля (тут за чугунными ставнями зарезали когда-то бакалейщика) сани – прости, прощай, Мианск! – свернули в гумна, в сугробную ночь. Во флигеле играли свадьбу, к окнам тесно навалил народ. На задах, на берегу Миши, погибли в метелице последние бани и вётлы... (41 слово).

Автограф датирован двадцать пятью ноября 1932 г. Уже на следующий день (на листе черновика-машинописи есть дата: 26/XI-32) А.Г. Малышкин изменяет написанное:

Мимо углового кирпичного флигеля (тут за чугунными ставнями зарезали когда-то бакалейщика) сани – прости, прощай, Мианск! – свернули в гумна, в сугробную ночь. Во флигеле играли свадьбу, поздний прохожий народ валился <глядел через> [5] к окнам, глядел на тошное веселье. На задах, по берегу Миши погибали в метелице последние бани и вётлы ... (49 слов).

В окончательном варианте, опубликованном в романе, имеем следующее:

Прости, прощай, Мианск!

Мимо всегдашней росрани, мимо старинного кирпичного флигеля (где за железными створнями зарезали когда-то бакалейщика с большими деньгами), сани свернули в гумна, в сугробную ночь. Во флигеле жгли поздний огонь, – наверное, играли свадьбу; прохожий народ валил к окнам, глазел на тошное веселье. На задах, по берегу Миши, погибали в метелице окраинные бани и вётлы [6: 71] (58 слов).

Сравнение вариантов показывает, что

разговорная, диалогически направленная, эмоциональная фраза *Прости, прощай, Мшанск!* переходит из середины преимущественно описательного контекста черновых вариантов в начало. Фраза обретает форму относительно независимого, самостоятельного предложения. Входя в текст не в качестве как бы попутного вздоха, случайно услышанного читателем (такую интонацию обнаруживаем во вставной конструкции черновых вариантов), а как зачин, фраза окрашивает всё повествование. Чья-то интонация, быть может, последнего прощания, чёткая и ясная, задаёт направление и настроение тексту.

Выбор между предлогами *у* и *мимо*, на первый взгляд, не может быть особо значимым для стиля романа. Но автор предпочёл второй предлог (уже во втором варианте), и этот предлог вписался в общий контекст. Предлог *у*, который в черновом варианте всего лишь статически фиксирует место событий, заменён. Предлог *мимо* своим значением «минования» [7: 622] ориентирован на движение. Кроме того, в окончательном варианте слово *мимо* использовано дважды. Повтором предлога и перечислением связанных с ним существительных, называющих объекты, мимо которых проносятся сани, передаётся значение некоторой поспешности в движении, если не быстрой езды. Здесь изображение связано с приёмом субъективации – монтажом, позволяющем переместить точку видения в сферу сознания героя повествования и сообщаящем о прощальном взгляде, который бросает персонаж на родные места (тем самым повторяется смысл, обнаруженный в предшествующем контексте). Получается, что вся конструкция наполняется единым с темой значением, с темой, выраженной уже в названии главы – «Разлука» – и в начале повествования.

Далее автор перебирает эпитеты (*кирпичного флигеля – углового кирпичного флигеля – старинного кирпичного флигеля*) и останавливается на слове *старинный*. В слове *угловой* – точка видения дана только в объективном зрительном плане: персонаж едет и видит *флигель на углу*. Определение *угловой*, как и *кирпичный*, можно назвать объективным, так как оно не проявляет оценочной точки зрения конкретного субъекта действия. Любой проходящий или проезжающий может дать *флигелю* это определение (разумеется, если флигель расположен на углу). Включение слова *старинный* может показаться для стиля отрывка незначительным. Но смыслом этого слова передаётся то, что

знает именно герой главы: знание мест, возле которых нередко он бывал в прошлые времена (это определённое знание подкрепляется и добавленным в окончательный текст экспрессивным, содержащим оценку, словосочетанием с диалектизмом *всегдашняя росстань: росстань*, по Далю, перекрёсток, распутье, где разлучаются, расстаются, «до которого обычно провожают отпускаемых в путь» [8: 49]). Слово *старинный*, пусть и едва заметно, характеризует персонажа (ведь кто-то может знать, что флигель старинный, а кто-то нет).

Более отчётливо характеризует персонажа слово *створни*. Оно, конечно, местное слово, диалектное [8: 320]. За его употреблением вместо слова *ставни* можно видеть стремление через диалектизм, слово более близкое герою повествования, передать субъективированную точку видения.

Во флигеле играли свадьбу – Во флигеле жгли поздний огонь. В первой фразе есть всеведение [2: 194], соотносимое с образом автора, во второй – передано непосредственное восприятие увиденного из саней персонажем (не отрицающее, но усложняющее всеведение дополнительной информацией): не случайно, о свадьбе сказано с предположением, с «чужим» словом, с учётом точки видения проезжающего: *наверно, играли свадьбу*. Употребление вводного слова указывает на представление персонажа.

В словах *глазел* (вместо *глядел*) и *тошное веселье* отношение к увиденному выражено ещё более отчётливо. Это – однозначная отрицательная оценка, которая может быть связана только с точкой видения героя романа.

В исправлениях *к окнам тесно навалил народ – поздний прохожий народ валился <глядел через> к окнам, глядел на тошное веселье – прохожий народ валился к окнам, глазел на тошное веселье* особо привлекает внимание один случай. Есть существенная смысловая, не просто грамматическая, разница между словами с разговорной экспрессией *навалил* и *валился*. Глагол *навалил* (совершенного вида) сообщает о долгом стоянии у окон и достаточно долгом наблюдении за этим со стороны. В использовании этого глагола можно увидеть противоречие в логике повествования: персонаж проезжает мимо и не может долго наблюдать за происходящим. Это, думаем, заставило автора остановиться на последнем слове – *валился*. Выбор несовершенного вида глагола *валился* в результате правки стал соответствовать виду глаголов, употреблённых в предпоследнем и последнем

предложениях отрывка.

Мы увидели, что подобная замена есть и в последнем предложении, и она порождает ещё большую выразительность, подчёркивает направленность правок и дополнений, которые обнаруживаются в окончательном варианте. Дело в том, что форма метафоричного слова *погибали*, имея имперфективное значение незаконченного, достаточно длительного состояния, противопоставленного перфективному значению слова *погибли* черного варианта, передаёт довольно сложные, может быть, и символические смыслы. Словом *погибли*, прежде всего, передаётся точка видения отъезжающего: он смотрит в пространство, и для него *последние бани и вётлы погибли*, т.е. пропали из вида. Слово *погибали* несёт значение другой точки видения, учитывающее временной и пространственный планы: герой смотрит во время движения на *окраинные бани и вётлы*, постепенно исчезающие из вида.

Обратим внимание и на то, что для задачи этого смысла автор выбрал слово *погибали*, а не исчезали из вида, например. Выбранное слово передаёт контексту свои смыслы, которые могут быть связаны со значениями и «замерзнуть», и «подвергнуться опасности быть уничтоженными». И в этих смыслах слово с корнем *-гиб-* связывается с точкой зрения персонажа. Его взгляд тревожно окрасил увиденное; это, как можно понять из всего содержания романа, он стремится избежать гибели. Автор этим словом привнёс в описание смыслы, связанные с настроением персонажа. Слова и выражения, сообщающие о смерти (*зарезали бакалейщика; погибли*), обладая близостью значений, выстраиваются в словесный ряд, который соотносится с другим рядом, говорящим о зимнем ночном отъезде неназванного героя.

Мы обратили внимание лишь на те сделанные А.Г. Малышкиным правки, которые имеют особую значимость для языковой композиции отрывка. Судя по черновикам писателя, можно сказать, что он уже изначально определился с изображением картины отъезда своего героя. Эта картина в целом ясно подана в рамках монолога с точки зрения всеведущего автора – объективировано. В нём слова и выражения со значением места (например, *Мшанск, кирпичный флигель, гумна*), зимы (*сугробная ночь, метелица*), отъезда (*прости, прощай, Мшанск!; сани свернули*) ложатся в основу повествовательных и описательных рядов, и эти ряды во время отделки произведения практически не за-

тронуты (от правки к правке количество слов в отрывках только увеличивается: в первом – 41 слово, во втором – 49 слов, в окончательном – 58). Тем самым мы рассмотрели всего лишь одну из тематически объединённых групп языковых единиц, представленных в отрывке, но это не просто «тематическая группа», а именно словесный ряд, единицы которого последовательно служат приращению субъективированным смыслом повествовательных и описательных рядов. Изменения затрагивают в большинстве случаев ту последовательность языковых единиц, которые при развёртывании текста сообщают об определённом взгляде на изображаемую картину, а этим меняется и сама картина. Этот взгляд связан со словами, выражениями и синтаксическими конструкциями, имеющими свою общую основу: у них единый смысл, в котором заключена оценка, окрашивающая всё изображённое в определённые тона. Оценка, входящая в экспрессивные и диалектные единицы языка, использованные в тексте, пронизывает весь монолог, т.е. взаимодействует с остальными словесными рядами, и образует в рамках монолога специфическую последовательность знаков, подающую описание отъезда через восприятие и переживание отъезжающего (конечно, автор сообщает о переживании героя, так сказать, не сплошным потоком, вероятно, чтоб не сделать повествование сказовым). Достигнуто такое композиционно сложное изображение смещением точки видения из «авторской» сферы в сферу персонажа, субъекта – субъективацией «авторского повествования» [1: 185-205; 2: 204-220]. Элементы «чужой речи» (говоря словами М.М. Бахтина), «чужого» ощущения и переживания вплетаются в «авторское», объективированное повествование. Субъективированный словесный ряд – то новое, что появилось в окончательном варианте. В данном случае на это преимущественно и была направлена работа автора, которая привела к образованию доминанты, положенной в основу текстового единства.

Рассмотренные языковые единицы входят в состав единого словесного ряда, который переплетается, взаимодействует с рядами, связанными с различными компонентами структуры текста. Так, если рассмотренный словесный ряд, выведенный в отрывке на первый план изображения, непосредственно связан с категорией «ликов» образа автора, поскольку отражает речь и точку видения персонажа, то некоторые языковые единицы из названного ряда входят в состав

других рядов: слово, известно, может нести в себе множество значений. Именно благодаря другим значениям, которые входят в состав языковых единиц, слова могут входить в состав других рядов. Например, *створни, росстань* и др. слова и выражения как средства, с которыми связаны приёмы субъективации повествования (в их употреблении проявляется единство ряда и приёма выразительности текста), поскольку называют предметы окружающего мира, входят в состав предметно-логического ряда (который образуется словами и выражениями типа: *кирпичный флигель; сани свернули в гумна, в сугробную ночь*), связывающего категории темы, материала действительности, языкового материала; а *всегдашняя росстань* связана сюжетом, обнаруживающим «отношения в словесной динамике» [9: 465]. Разумеется, все эти ряды соотносятся с образом автора и изменяют его. В сущности, Малышкин, переработав черновик, создал новый текст рассмотренного отрывка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М., 2006.
2. Горшков А.И. Русская стилистика. – М., 2001.

3. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М., 1971.
4. Рукописи А.Г. Малышкина хранятся в Институте мировой литературы им. А.М. Горького: Фонд №44. Опись 1. Дело № 80. А.Г. Малышкин. Автографы и машинопись.
5. Слова, подчеркнутые и приведённые в угловых скобках, обозначают те случаи правки, от которых автор отказался уже в данном варианте.
6. Малышкин А.Г. Избранные произведения в 2-х томах. – Т. 2. – М., 1978.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырёх томах. – Т. 2. – М., 1986.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. Т. Четвёртый. – М., 2000.
9. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. – М., 2002.

L. Papyan

LITERARY RAW IN TEXT STRUCTURE

Abstract. Basing on comparison of the rough and final variants of the fragments from the novel “People from zaholustye” by Alexander Malyshekin in the article it is analyzed literary raw as a unit of text and as a tool for analysis of an organic whole.

Key words: verbal number, unit of a language composition, analysis tool.